

А. С. Крымская

Советский образ жизни глазами американских стажеров 50–70-х гг. XX века: из воспоминаний и интервью

За 1958–1991 гг. в ЛГУ по программе обмена аспирантами и молодыми учеными (**Graduate students / young faculty exchange**) в рамках научно-образовательных обменов между СССР и США прошли стажировку свыше 330 американцев¹. Все они независимо от уровня образования и наличия ученой степени получали в Советском Союзе статус «аспирант-стажер».

На основе анализа воспоминаний, интервью и отчетов американских стажеров, побывавших в 1958–1978 гг. в советских университетах, попытаемся отобразить процесс восприятия западным человеком советского образа жизни и функционирования научных и учебных заведений².

Широко известна роль русской литературы, которая оказала значительное влияние на американцев и на их восприятие России. Но во второй половине XX века существовали и другие причины, побудившие их проявить интерес к России и Советскому Союзу.

Основной причиной стало начало «холодной войны». Вот как объясняет свой интерес к русской истории профессор факультета истории искусств Университета Индианы Дженет Кеннеди (Janet Kennedy), стажировавшаяся в Ленинградском государственном университете в 1973/74 учебном году: «В 50-е годы, когда я была ребенком, интерес к России был сильным. Очевидно, это было продуктом “холодной войны”, хотя это не обязательно включало враждебность по отношению к Советскому Союзу. В сущности, это возникло из позитивного — если не наивного — убеждения, что изучение русского языка и культуры как-то выработает более просвещенный мир. Я помню, как в течение короткого периода времени мы с мамой пробовали изучать русский язык, включая в 6 часов утра телевизионный курс. Долго это не продлилось. Я ходила в среднюю школу, которая предлагала русский язык в качестве

Крымская Альбина Самиуловна,
кандидат педагогических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств (Санкт-Петербург)

факультатива. Русский язык был выбором умных студентов. Мы избежали другого варианта — испанского языка, так как он был выбором студентов, ищущих легкие пути. Как раз то раннее решение изучать русский язык, который я продолжила в колледже, сформировало мою научную карьеру»³.

Известный историк из Университета Тулэйна Сэмюэл Рэймер (**Samuel Ramer**) вспоминает, как служба в армии в начале 1960-х гг. заставила его осознать, что существовала «другая» великая страна, и этой страной была Россия: «Я подумал: “Кому-то в моем роду нужно знать русский язык и знать больше об этой стране”. Так что мое первоначальное решение изучать русский язык по существу происходило из атмосферы холодной войны. Но в процессе изучения языка, и в Университете Теннесси и в Университете Индианы (1962) и Колледже Миддлбери мысль о холодной войне исчезла, и я просто стал увлекаться русским языком, литературой и культурой»⁴.

Ряд американских ученых еще до своей стажировки в советских университетах побывали в СССР в качестве туристов. Так, президент Университета Дрейка, профессор литературы Дэвид Максвелл (David Maxwell), стажер Московского университета в 1970/71 г. посетил Советский Союз во время 7-недельного тура со своим отцом — известным джазовым трубачом в составе группы “Benny Goodman” в 1962 г. Как вспоминает Максвелл, он проводил много времени с американским атташе по культуре Терри Катерманом (**U.S. Embassy's Cultural Affairs Officer, Terry Catherman**), который сопровождал джаз-бэнд: «Это была середина холодной войны, и пока Кеннеди и Хрущев угрожали друг другу бомбами и ракетами, в этот момент был замечательный человек, который занимался отправкой Большого театра в Нью-Йорк и американского джаза в Советский Союз»⁵. После этой поездки Максвелл решил поступать в один из лучших гуманитарных колледжей — Гриннел Колледж, мечтая стать атташе по культуре в Москве как Терри Катерман. Однако к концу последнего года обучения произошло два события, которые повлияли на карьеру Максвелла. Первое событие носило негативный характер — с началом Вьетнамской войны дипломатический корпус США стал менее привлекательным в плане карьеры. Второе — в последний год обучения у Максвелла был замечательный профессор по литературе Томас Винер, который помог ему понять: несмотря на то, что он интересовался историей, политикой, экономикой, он ЛЮБИЛ литературу и любил читать. Совет Т. Винера «Знаешь, если ты пойдешь в аспирантуру, ты сможешь продолжать читать», Максвелл принял на вооружение, и с тех пор чувствует себя счастливым человеком, потому что русские писатели, по его словам, особенно Гоголь, Достоевский, Толстой и его любимый Чехов, сыграли огромную роль в его жизни. Их произведения стали для Максвелла «религиозными текстами», к которым он обращается за пониманием мира. За свои 11 лет президентства в Университете Дрейка он почти всегда находит возможность процитировать одного из русских писателей в своем обращении к американским выпускникам.

Стажер Ричард Бидлэк (Richard Bidlack) участвовал в трехнедельном туре по СССР, организованном Университетом Уэйк Форест (Wake Forest University) в 1976 г. в годы разрядки напряжения в отношениях между СССР и США. Во время этой поездки Р. Бидлэк понял, что ежедневная жизнь в Советском Союзе намного отличалась от той, которую описывали в советской прессе и на Западе⁶. Это путешествие убедило его заняться русской историей в магистратуре.

Первые аспиранты-стажеры по соглашению 1958 г. появились в советских университетах в том же году. Их знакомство с университетом начиналось с посещения отдела по работе с иностранными студентами или иностранным отделом. Как писал в своих воспоминаниях Фредерик Старр: «Политический контроль над нашими действиями был поручен людям Коммунистической партии в иностранном отделе Ленинградского университета. Это были люди, которых избегали»⁷.

О взаимодействии с иностранным отделом вспоминают практически все стажеры. Говорят, что туда всегда была очередь. Именно иностранный отдел планировал время пребывания стажеров в Советском Союзе: прикреплял к кафедре, назначал научного руководителя, давал разрешение на посещение архивов, на перемещение по Советскому Союзу, решал (а большей частью, судя по высказываниям стажеров, не решал) возникавшие проблемы. Один из стажеров вспоминал: «Он (иностранное отделение. — А. К.) был обязан содействовать нашим научным усилиям, но фактически служил преградой для исследований и поездок». Как отметил другой стажер в своем отчете в IREX, докладывая о попытке сменить место стажировки на Львовский университет в связи с тем, что все интересующие его материалы находились во Львове и Киеве, «четыре месяца занимался в Ленинграде тем, чтобы выбраться из него», при этом давая нелестную характеристику иностранному отделу⁸.

В МГУ американские стажеры даже издали самиздатом «Стажерскую правду», в которой выступали за то, что НАТО и странам Варшавского договора следует уничтожить все свое ядерное оружие, кроме одного. Следует разрешить Соединенным Штатам направить одну ракету на иностранный отдел.

Бывали случаи, когда не всегда сразу же по прибытии в университет стажера прикрепляли к кафедре и научному руководителю. Так, например, стажер исторического факультета ЛГУ был прикреплен к научному руководителю, которым в итоге стал С. Б. Окунь, лишь месяц спустя: «Я надеялся работать с профессором Предтеченским, который сейчас на кафедре журналистики филологического факультета. Когда я впервые говорил с ним, он, казалось, был счастлив принять меня и сказал, что с этим не будет проблем. Однако позже он сообщил мне, что это было не в его силах и он, очевидно, не захочет настаивать дальше на этом вопросе»⁹.

Успех научной работы стажеров в Советском Союзе отчасти зависел от того, кого из советских профессоров им прикрепляли в качестве научных руководителей. Для многих

основной целью стажировки было получить доступ к источникам и материалам, недоступным в Соединенных Штатах. А для этого необходимо было получить разрешение на работу в архиве. Становился ли доступ к архивным документам проблемой, зависело не только от изучаемой темы, как в примере с Дэниэлем Во, который хотел заниматься темой русско-турецких отношений в московский период, но, поскольку доступ к документам по дипломатическим делам был почти невозможен в то время для иностранцев, ему пришлось избрать тему «литературные образы» турков¹⁰. Возможность работать в архивах зависела от того, кем был научный руководитель: каким положением он пользовался в научном сообществе и какой властью. В очерке о Т. Эммонсе Г. Гамбург приводит пример с П. А. Зайончковским: «С практической стороны работа под руководством Зайончковского давала возможность широкого доступа в советские архивы. Как бывший заведующий Отделом рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина, Зайончковский обладал непревзойденным знанием этого и других московских архивохранилищ. Помогли и его связи с коллегами, занимавшими ключевые научные посты. При содействии Зайончковского Эммонс получил достаточно свободный доступ к наиболее важным документам, касавшимся подготовки отмены крепостного права».

В отличие от поведения Зайончковского по отношению к американским стажерам, в ЛГУ ситуация была иной. По мнению Г. Гамбурга, в Ленинграде партийный контроль был строже, поэтому советские историки менее активно завязывали контакты с американскими исследователями. Но уже в середине 1970-х гг. коллектив Ленинградского отделения Института истории Академии наук установил регулярные связи с американскими исследователями, приезжавшими в рамках программ обмена. Ключевой фигурой в установлении этих связей был Борис Васильевич Ананьич, которой помимо работы в Институте истории также работал на полставки в ЛГУ¹¹. Именно через университет он встречался с различными западными историками, занимавшимися историей дореволюционной России.

Тогда же, в первые годы обменов, многие профессора боялись контактировать с иностранными стажерами. Доходило до того, что некоторые профессора узнавали, из какой страны прибыл их стажер, только под конец стажировки. Так произошло с Синтией Каплан; ее советский научный руководитель и кафедра все время думали, что она из ГДР. Или Патриция Полански, у которой научным руководителем был В. В. Мавродин, с удивлением узнавший, что она с Гавайи.

Общение с иностранцами вообще в те годы не одобрялось. Николай Рязановский рассказывает, что жена Б. С. Итенберга ходатайствовала в Институте истории Академии наук СССР о приглашении его с женой на обед, на что получила ответ: «Они уже приглашались на один обед. Достаточно»¹².

Стажеры отмечали, что назначенные в научные руководители советские профессора не слишком охотно шли на контакт, хотя многие понимали, чем это было вызвано. Так, участ-

ник первого года обменов Томас Хегарти вспоминает, что В. В. Мавродин «был напуган до смерти тем, что ему дали американского аспиранта»¹³. У некоторых стажеров складывалось чувство, что научный руководитель с ним встречается только потому, что те были прикреплены к нему. «Даже учебные консультации иностранцам обставлялись таким образом, чтобы не оставаться с ними наедине. Так, Н. Г. Сладкевич, руководивший американцем, был вызван однажды в партком ЛГУ, где к нему обратились с просьбой встретиться с тем хотя бы издредка»¹⁴. Один из стажеров А. Л. Сидорова жаловался на то, что после нескольких попыток добиться встречи со своим научным руководителем он бросил эту затею и, как оказалось, это устраивало обоих¹⁵.

Н. Рязановский отмечает: несмотря на то, что стажеров прикрепляли к советским ученым — специалистам в их области исследований, даже такие ограниченные и регулируемые контакты напрягали до предела советскую власть вместе с правоохранительными органами¹⁶. В качестве примера он рассказывает историю о «контактах или неконтактах» с академиком Д. С. Лихачевым: «Мы установили довольно близкие отношения, когда я был президентом Американской ассоциации по углубленным славянским исследованиям с 1973 по 1976 гг., в то время как он, как обычно, возглавлял по крайней мере полдюжины влиятельных советских организаций. В течение ряда лет у нас были нормальные отношения. Потом Лихачев перестал отвечать на мои письма. Более того, когда я приехал в Ленинград, он дважды приглашал меня встретиться, но никогда не появлялся. Объяснение появилось только весной 1990 года на обеде в честь Лихачева, устроенном директором Библиотеки Конгресса Джеймсом Билингтоном. Лихачев рассказал мне, что никогда не получал моих неотвеченных писем и никогда не приглашал меня на встречу. Он добавил, что мне относительно повезло, потому что я потерпел только неудачи, в то время как в нескольких других случаях правоохранительные органы отвечали на письма от его имени и он до сих пор имел дело с возникшими проблемами»¹⁷.

В своем общении с иностранными стажерами советские ученые старались показать следование линии партии¹⁸. Так, аспирант-стажер МГУ Лорен Грэхэм приводит в интервью эпизод знакомства со своим научным руководителем: «Моим научным руководителем была профессор Бессонова. <...> ...надо сказать, это был второй год научного обмена между нашими странами, и я видел, что Бессонова нервничала. ...Она нервничала потому, что у нее был аспирант из США. Первый раз, когда я встретил ее, она спросила: “Ну, господин Грэхэм, как идет ваша работа?” И я честно ей ответил: “Я работал в Библиотеке имени Ленина, я работал в Библиотеке имени Горького, я сделал то, я сделал это...”. После чего она вдруг заявила: “Хорошо. У меня для вас есть домашнее задание”. Это был сюрприз: мне было уже 27 лет, и я думал, что “домашнее задание” — это для студентов. Но я не возражал. И сказал: “Хорошо. Какое?” “Вам надо прочесть эти работы Маркса, Энгельса, Ленина, и в следующий раз я хочу услышать от вас отчет”. Я очень внимательно записал все страницы из Маркса,

Ленина и Энгельса, которые она рекомендовала мне прочесть. И в следующий раз, когда она спросила: “Ну, господин Грэхэм, как идет работа?”, я честно рассказал, какие книги по истории науки я прочел, но не сказал ни единого слова о “домашнем задании”. И она всегда говорила: “Хорошо. У меня для вас есть еще одно домашнее задание”. — “Хорошо”. — “Еще из Маркса-Ленина”. И так продолжалось целый год. Каждый раз она давала мне это домашнее задание, каждый раз я не читал ни одного слова из предложенного ею, и каждый раз я честно говорил ей об этом, а она всегда отвечала: “Хорошо, у меня есть другое домашнее задание”. Она, очевидно, делала то, что считала необходимым. Я честно отвечал. Как это ни странно, но в результате между нами возникло взаимное уважение, потому что мы оба без слов хорошо понимали, что происходит»¹⁹.

Отношения между стажерами и их советскими научными руководителями различались в зависимости от факультета. Так, например, стажер юридического факультета вспоминает, что изначально руководство факультета было благосклонно настроено по отношению к нему: «Когда я в первый раз пришел к декану в начале года (учебного. — А. К.) я объяснил, что у меня был свой руководитель в Соединенных Штатах, и что я в первую очередь несу ответственность перед ним. Декан принял это без вопросов, хотя и сказал, что я буду постоянным членом кафедры и должен буду участвовать в ее работе и подготовить план. Я знал, что мне помог тот факт, что декан в прошлом году встречался с моим руководителем, был знаком с его работами, и (несмотря на серьезные идеологические расхождения) имел глубокое уважение к нему. <...> Так получилось, что мой советский руководитель, тоже встречался с моим руководителем, и это помогло установить взаимоотношения»²⁰.

Одним из новшеств, с которым пришлось столкнуться стажерам в советских университетах, было составление плана работы и библиографического списка литературы для согласования с научным руководителем. Дж. Скэнлан, стажер МГУ 1964/65 учебного года, вспоминает: первое что его попросил сделать научный руководитель, — это составить библиографический список: «В нем я перечислил все работы Чернышевского и Писарева, которые планировал изучать. Просмотрев его, Иван Яковлевич (Щипанов — руководитель. — А. К.) нахмурился и заметил, что я не включил работы Маркса, Энгельса и Ленина. Я ответил, что я уже изучал этих мыслителей в Соединенных Штатах и что в любом случае эти работы не особенно уместны в моем проекте. “Хорошо, — ответил он, — оставьте библиографию и приходите завтра”. Придя на следующий день, я обнаружил, что он (или, скорее всего, кто-то из его подчиненных) полностью переделал мою библиографию: вся первая страница — пятнадцать названий — состояла из работ Маркса, Энгельса и особенно Ленина; мой список начинался только на второй странице, и он также был расширен за счет включения многих марксистско-ленинских комментариев работ Чернышевского и Писарева. Вручая мне пять экземпляров этого обновленного документа, он попросил меня подписать их. Когда я запротестовал, что это была уже не “моя” библиография, и что я не со-

бираюсь перечитывать коммунистических классиков, он отмахнулся от моих возражений. “Просто подпишите, — с улыбкой сказал он, — и все будет хорошо”. Несколько встревоженный, я подписал. И действительно, Щипанов не требовал от меня в точности следовать этому документу. Как я понял позже, его заботило не то, что я на самом деле читаю, а необходимость предоставить доказательства своей собственной идеологической лояльности: пять копий были отправлены в надлежащие инстанции, чтобы показать, что он с должным пролетарским рвением руководит моей работой. В наших последующих беседах он никогда не упоминал о добавленных работах. И, к моему некоторому удивлению, он не пытался “обратить” меня в марксизм. Хотя мне надлежало встречаться с ним каждую неделю для примерно часовой беседы, на этих встречах мы очень мало говорили о философии и совсем не говорили о марксизме. Мы говорили о Москве, об истории России, о наших космических программах, а больше всего о Великой Отечественной войне. Иван Яковлевич неустанно вспоминал ужасы, которые война принесла России — разрушение Сталинграда и Севастополя, блокада Ленинграда, лишения и трагические потери, от которых страдала практически каждая российская семья. Мне кажется, он справедливо рассудил, что, хотя безнадежно пытаться уговаривать буржуазного американского гостя стать марксистом, он мог бы убедить его, что Россия хочет мира»²¹.

План работы нередко становился камнем преткновения на пути к исследовательской работе в Советском Союзе. Один из стажеров исторического факультета ЛГУ в 1959/60 учебном году сетовал на то, что когда его научный руководитель попросил написать краткое изложение своей диссертации, он не включил в него архивные материалы, которые хотел использовать, а также города, которые хотел бы посетить. Именно учебный план был использован иностранным отделом для того, чтобы отказать ему в самостоятельном путешествии по Советскому Союзу. Наученный горьким опытом стажер в своем отчете в Межуниверситетский комитет по выдаче грантов на поездки²² давал совет будущим участникам обменов включать в свой план список всех городов, которые они могут захотеть посетить²³. Другой стажер писал: «Учебный план, кажется, требуется почти во всех случаях»²⁴.

Хотя были и исключения. Один из американских аспирантов А. В. Предтеченского в своем отчете отмечал: «От меня не требовали писать учебный план. Я просто встречался со своим руководителем, когда чувствовал необходимость в консультации (как он и хотел). Я обычно видел его каждые три недели или около того. Он дал мне свой домашний телефон и сказал, чтобы я звонил, когда почувствую в этом необходимость. Каждый раз был готов встретиться со мной. Никогда не заявлял, что у него много работы и что он не может со мной встретиться. Когда мы встречались, у него обычно были некоторые ценные предложения. Обычно наши дискуссии велись вокруг вопросов, как микрофильмировать материалы и т. д.»²⁵.

Стажер юридического факультета писал в отчете, что после утверждения его плана научным руководителем, последним был подготовлен дополнительный план. Он касался изучения предметов, выходящих за рамки диссертации. Это было общее описание советской теории права, и оно было довольно коротким. Как полагал научный руководитель, и стажер с ним согласился, было бы неразумно провести год в СССР и ничего не узнать о советском праве²⁶.

Неслыханным для американцев было то, что профессора в России составляли для своих студентов библиографию. Так, одному из стажеров была обещана краткая библиография по теме диссертации. Спустя месяц он получил список из 37 наименований: «Библиография в большей степени служит документом, иллюстрирующим и отражающим идеологический аспект советской системы образования, чем исследовательским инструментом; 23 из 37 библиографических названий были ссылками на собрания сочинений Ленина»²⁷.

Во время учебного года стажерам полагалось выступить на кафедре с докладом по теме своего исследования. Вот как вспоминает Скэнлан о своих выступлениях на кафедре: «Я, конечно, ожидал критического отклика на мои “буржуазные” рассуждения, но не был готов к атмосфере степенности и отрепетированной формальности этих заседаний. После моего выступления следовал краткий период вопросов информационного характера, на которые я кратко отвечал. Затем почти все время занимали протяженные, формально критические выступления назначенных сотрудников кафедры (которые, по крайней мере, к моему второму и третьему докладам заранее получили копии моего текста). Совершенно не было возможности искренне, оживленно обсудить мои мысли, чего следовало бы ожидать в Соединенных Штатах. Идеи о Чернышевском и Писареве, которые я представлял в докладах, в чем-то совпадали, а в чем-то не совпадали с марксистско-ленинским учением, и скоро стало понятно, что там, где я соглашался с принятой марксистско-ленинской позицией, меня хвалили, а там, где отходил от нее, критиковали. (Поэтому я мог заранее предугадать, какая будет реакция на мое выступление.) В дальнейшем я быстро адаптировался к риторике этих стычек и с некоторым неудовольствием обнаружил, что ищущий у Маркса и Ленина цитаты в поддержку своей интерпретации той или иной идеи»²⁸.

Скэнлан вспоминает, что догматические установки, которые проявлялись на официальных кафедральных заседаниях, не превращались в личную недоброжелательность. Так, добившись у своего научного руководителя ходатайства о разрешении доступа к архивным материалам, относящимся к мыслителям-идеалистам (Н. В. Станкевич, В. С. Печерин, М. О. Гершензон), он с удивлением наблюдал на заседании кафедры атаку, возглавляемую И. Я. Щипановым: «...он вел себя так, как будто только сейчас узнал, что я работал с таким маловажным и вредным материалом, за что он резко обрушился на меня. После такого ритуального осуждения мы опять расстались с улыбкой и теплыми рукопожатиями, каждый

был доволен результатом: он публично осудил ту самую работу, которую тайком помог мне сделать, а я, хотя и получил публичное неодобрение, был благодарен ему за помощь. Таких случаев, когда простая человеческая доброта отвергала слепую идеологическую приверженность, было бесконечно много в советскую эпоху, несомненно, двойственность поведения была широко распространена»²⁹.

Аналогичное описание выступления с докладом давал стажер 1960/61 учебного года в ЛГУ: «...докладчик выступает около часа. После этого выступают два или три официальных оппонента. Они критикуют, хвалят, или делают и то и другое. В Америке мы проявляем вежливость в таких ситуациях. Мы обычно делаем пространные комплименты и на этом всё. Русские любят атаковать друг друга. Это атака не происходит из личной неприязни, и не должна рассматриваться так. Это часть игры. ... Я планирую ввести такую форму на своих семинарах, когда вернусь в Соединенные Штаты. Это одна из редких частей академической жизни, которую стоит симитировать здесь»³⁰.

Другим наблюдением было то, что во время доклада в независимости от статуса докладчика (профессор или аспирант), большинство слушателей были заняты разговорами, записки передавались назад и вперед прямо под носом у докладчика.

Такое же наблюдение было сделано в результате посещения факультетских лекций. Так, например, Дж. Скэнлан описывает следующее впечатление: «Большая нагрузка на студентов видимо объясняет (хотя не полностью) характерное для лекций явление, которое поначалу меня весьма удивило, а именно невнимание студентов. На первой лекции на меня сильное впечатление произвело то, что студенты встали со своих мест, когда лектор вошел в аудиторию; это был европейский жест уважения, незнакомый нам в Америке. Но то, что случилось дальше, шло абсолютно вразрез с этим жестом, поскольку девяносто процентов студентов больше не обращали никакого внимания на лектора. Большинство устроились в задних рядах и занимались другими делами, главным образом читали тексты и писали задания для других курсов. Некоторые из сидевших ближе к преподавателю воздвигли маленькие баррикады из личных вещей, чтобы скрыть свои занятия, но другие работали открыто, кое-кто буквально под носом у лектора, который, казалось, не замечал всего этого и произносил свои фразы так, как будто вся аудитория ловила каждое слово. Из более пятидесяти студентов в аудитории, наверное, человек шесть действительно слушали лекцию и делали записи. Еще несколько человек время от времени поднимали голову и временно прекращали свои альтернативные занятия, когда что-то привлекало их внимание»³¹.

Аналогичная обстановка на лекции описана в воспоминаниях В. Г. Вовиной-Лебедевой об историческом факультете ЛГУ: «Конспектировали лекции далеко не все студенты. Некоторые, особенно если это было раннее утро, дремали. Девушки вязали, не в открытую, разумеется, а держа вязанье под столом. Я сама связала на лекциях и семинарах

довольно много полезных предметов, в основном шарфов и свитеров. Купить в магазине тогда никакую одежду было невозможно, вот рукоделие и процветало. Между прочим, я заметила, что вязальщицы обычно слушали лекторов весьма внимательно и сосредоточенно»³².

Для многих стажеров представляло интерес поведение советских студентов на лекциях: «Они менее внимательны, чем американские студенты, и временами шум был таким сильным, что было сложно слышать лектора, если не сидишь в первом ряду»³³.

В Межуниверситетском комитете неоднократно жаловались на то, что присвоение американским участникам статуса аспиранта использовалось советской стороной при отказе доступа к рукописным документам, к архивам и библиотекам, поскольку аспиранты в СССР не имеют на это права. По свидетельству Р. Бирнса³⁴, 22 из 103 американцев, посетивших Советский Союз с 1958 по 1961 г., имели ученые степени. Хотя по сравнению с советскими студентами, американцы в некотором роде пользовались преимуществом. В Москве они, независимо от возраста и наличия ученой степени, занимались в Первом научном зале Ленинской библиотеки. «Доступный только профессорам и членам Академии наук, этот зал являл странную смесь советских ученых в летах и молодых американцев»³⁵. Иногда американские стажеры занимались в этом зале бок о бок не только с учеными, но и крупными политическими деятелями. Дж. Скэнлан однажды увидел за соседним столом В. Молотова³⁶. Увидеть работающего в читальном зале Молотова удалось и Анжеле Стент, одной из известных американских аналитиков-практиков по вопросам России, стажировавшейся в МГУ в 1974 г.³⁷

Как отмечает Скэнлан, самым большим преимуществом доступа в Научный зал № 1 была возможность заказывать книги, которые не были указаны в картотеке библиотеки. Для того чтобы заказать книги из спецхрана, необходимо было знать имя автора и заглавие, и дать заявку библиотекарю. Пример заказа подобной литературы Скэнлан описывает в своих воспоминаниях: «Однажды я запросил книгу, опубликованную в Москве в 1932 г. (которой не было в картотеке) и содержащую предисловие оппонента Сталина (ставшего его жертвой в 1936 г.) Льва Каменева; я знал эту книгу, потому что уже изучал один экземпляр в Библиотеке конгресса в Вашингтоне. С некоторой задержкой книга прибыла, но, к моему удивлению, в ней не было предисловия Каменева, а именно оно мне было нужно. Широко раскрыв книгу, я смог разглядеть, что неуютное предисловие было тщательно вырвано; поднеся титульный лист к свету, я обнаружил прозрачную полоску на том месте, где раньше стояла фамилия Каменева, которую, видимо, соскоблили (или вырезали и подклеили бумагу!). Вернув книгу библиотекарю, я заявил, что она с изъяном и попросил ее достать другой экземпляр. Она с неохотой послала другой запрос, и в положенное время прибыл второй экземпляр — с тем же изъяном. Новый запрос и прибывает третий экземпляр — опять без предисловия. Несколько раздраженно я заявил библиотекарю, что, без сомнения, где-то

в глубинах этого огромного учреждения — одного из крупнейших хранилищ научной литературы в мире — должен быть нетронутый экземпляр оригинала. Я никогда не забуду выражение бесконечной печали, с которым она ответила: “Вы должны понять — это были очень тяжелые времена”³⁸.

Познавание советского образа жизни происходило не только в стенах университета и библиотек, но и в общежитиях. В 1962 г. журнал “Time” писал: «15 американцев, прибывших по обмену в Московский университет, жили в общежитии в комфортабельных, двухкомнатных номерах. Здесь поселились 10 женатых мужчин со своими женами. Бакалавры жили вместе с русскими, африканцами или студентами из советских сателлитов. ...ближе к провинциальной университетской жизни были 7 американцев, приехавших в Ленинград. Они жили по 2–3 человека в комнате в обветшалом общежитии в 15 минутах от университета. Они почувствовали настоящий вкус русской страсти поделиться едой, одеждой, книгами — почти всем, кроме зубной щетки. Также у них была возможность ближе узнать русскую душу. Одно из наблюдений американцев — это то, что русские студенты почти никогда не вешали в своих комнатах портреты Маркса, Ленина или Хрущева. Другое наблюдение — что они меньше всего интересуются спорами о “холодной войне”, их больше волнуют вопросы американской музыки, литературы и жизни»³⁹.

Стажеры как ЛГУ, так и МГУ к бытовым проблемам относились с пониманием, а некоторые даже хотели на себе испробовать, что значит жить по-советски. Находившийся в МГУ в 1982/83 учебном году Джон Виллертон (John P. Willerton) проводил мало времени с американцами или в американском посольстве, а вместо этого «тусовался» с советскими друзьями, ел три раза в день в столовой МГУ, ходил в ту же парикмахерскую, что и его советские друзья, общался с ними, изучал Москву и ее окрестности, а также другие регионы⁴⁰.

Некоторые стажеры пытались больше общаться со своими русскими сверстниками: знакомиться с культурной жизнью, разговаривать на русском языке, изучать советскую жизнь изнутри. Один из стажеров даже критиковал своих американских коллег за то, что те предпочитали проводить свободное время в американском посольстве: «На меня произвело впечатление то пагубное влияние, которое оказывали в Советском Союзе одни американцы на других. Во-первых, они говорили по-английски. Во-вторых, они жаловались. ...Думаю, было бы мудро расселять американцев друг от друга как можно дальше»⁴¹.

Дж. Скэнлан говорит, что для него наиболее полезными в течение периода стажировки были именно интеллектуальные и социальные контакты с молодыми философами в общежитии высотного здания на Ленинских горах⁴². Хотя при таких разговорах, как правило, всегда проявлялась осторожность. Так, например, Зайончковский с большой предусмотрительностью относился к контактам Эммонса с русскими учеными, пытаясь оградить его от общения с теми историками, которым в тот момент это могло бы повредить в научной карьере, и также не поддерживал тесной личной дружбы⁴³.

Большинство студентов, по словам Дж. Скэнлана, несмотря на лавину пропаганды, которая ежедневно на них обрушивалась, не были настроены ни антиамерикански, ни антизападнически. Они знали о шахматных победах Бобби Фишера и о современной американской популярной музыке, жаждали узнать больше и о жизни в Соединенных Штатах, и о западной философии⁴⁴. Лорен Грэхэм в воспоминаниях пишет о лидере комсомольской организации Володе, жившем в общежитии МГУ, который в дневное время вынужден был соблюдать правила, а вечерами закрывался в комнате, где бушевало веселье: «Это противоречие между официальной политикой и реальной жизнью было моим первым уроком, что существование при советском “тоталитаризме” не было столь регламентировано, как нас на Западе заставляли верить»⁴⁵.

Значительная разница существовала между русскими на официальных должностях и русскими, которые становились друзьями. Первые были холодны и бесполезны, в то время как вторые — самыми доброжелательными людьми. Вспоминая о своем первом пребывании в Советском Союзе, Лорен Грэхэм отмечает: «...если мы говорим о русских, то они очень хорошие люди. И я скоро понял, что имеют в виду на Западе, когда говорят, что дружба в России — это нечто другое, чем в Америке. Может быть, это происходит как раз из-за такого политического положения, я не уверен в этом, но отношения между друзьями в России ближе, чем в Америке»⁴⁶. Леопольд Хеймсон на этот счет в интервью поделился таким наблюдением: «...мои студенты, приезжая в Россию, получали новое понятие о любви и дружбе, особенно о дружбе. Я сомневаюсь, осознавали ли они, что такое настоящая дружба, пока не побывали в России. Это вообще было для них открытием. Наверное, я могу сказать это и про себя. У меня не так много друзей, но отношения с ними очень глубокие. Такой интенсивности общения я практически не испытывал нигде, кроме России. Я думаю, что советские люди из-за тяжести и давления в общественной жизни вкладывали все свои чувства в общение. Отсюда противоположность между частной и общественной жизнью»⁴⁷. Шейла Фитцпатрик в своих воспоминаниях также указала, что, находясь на стажировке в Советском Союзе в 1966 г., она поняла, что иностранцу здесь проще завести друзей, чем в Британии или Соединенных Штатах⁴⁸.

Дженет Кеннеди, как и многие другие иностранцы, побывавшие в России, отметила, что ей запомнились посиделки на кухне с разговорами: «В то время как американцы охраняли свою частную жизнь и бессознательно нормировали свое время, выделенное для тех, кто находился за пределами семьи, русские, казалось, были вовлечены в бесконечную сеть человеческих отношений и взаимной поддержки, как физической, так и интеллектуальной. Друзья появлялись в дверях без приглашения и их встречали гостеприимство. Никто в тот момент не заканчивал разговор словами “становится поздно, мне завтра на работу”, хотя, я себе представляю, некоторые, особенно ученые, возможно, желали, чтобы их меньше отвлекали. Я поняла, до какой степени американцы сделали работу всепоглощающей ценностью, и восхищалась тем, что работа, казалось, занимает второе место у моих русских знакомых»⁴⁹.

Многие из тех, кто находился на стажировке в Советском Союзе в рамках программы обменов, стали впоследствии учеными, опубликовавшими десятки работ, посвященных России. Кто-то помимо научной и преподавательской работы оказался на государственной службе. Все стажеры — кто-то в большей, кто-то в меньшей степени — повлияли на взаимоотношения между Россией и США. Сегодня они передают американцам свое видение России, которое когда-то, в годы стажировки в советских университетах, было сформировано.

¹ Существовало четыре вида программ: 1) обмен аспирантами и молодыми учеными; 2) обмен старшими научными сотрудниками; 3) летние обмены преподавателями иностранного языка; 4) обмен между Американским советом научных сообществ и Академией наук СССР.

² Данная работа стала возможной благодаря помощи американских ученых — стажеров Ленинградского и Московского университетов, а также архивариусу Архива Университета Индианы Дине Келламс (Dina Kellams). Особую благодарность выражаю Грегори Фризу и Сэмюэлю Реймеру за ценные советы и поддержку.

³ Janet Kennedy. Письмо автору от 6 июля 2010 г.

⁴ Samuel Ramer. Письмо автору от 7 июля 2010 г.

⁵ David Maxwell. Письмо автору от 13 августа 2010 г.

⁶ Richard Bidlack. Письмо автору от 15 августа 2010 г.

⁷ *Starr S. Fr. Leningrad, 1966–1967: Irrelevant insights in an era of relevance // Adventures in Russian historical research: reminiscences of American scholars from the Cold War to the present / Ed. by Samuel H. Baron and Cathy A. Frierson. Armonk, 2003. P. 76.*

⁸ John-Paul Himka. Письмо автору от 6 июля 2010 г.

⁹ *Archive of Indiana University (Архив Университета Индианы). Robert F. Byrnes papers, Collection C388, Series: Inter-University Committee on Travel Grants, "American Participants, 1958–1970" file.*

¹⁰ Daniel Waugh. Письмо автору от 19 августа 2010 г.

¹¹ *Гамбург Г. М. Вспоминая Наталью Пирумову: о том, как писалась история в сталинскую и постсталинскую эпоху // Прямухинские чтения 2007 года. Тверь, 2008. С. 160–173.*

¹² *Riasonovsky N. V. My historical research in the Soviet Union: Half-empty or half-full? // Adventures in Russian historical research: reminiscences of American scholars from the Cold War to the present / Ed. by Samuel H. Baron and Cathy A. Frierson. Armonk, 2003. P. 7.*

¹³ Thomas Hegarty. Письмо автору от 5 июля 2010 г.

¹⁴ *Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940–1970-х гг. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Нестор-История. 2006. С. 165.*

¹⁵ *Archive of Indiana University. Robert F. Byrnes papers, Collection C388, Series: Inter-University Committee on Travel Grants, "American Participants, 1958–1970" file.*

¹⁶ *Riasonovsky N. V. My historical research in the Soviet Union: Half-empty or half-full? P. 5.*

¹⁷ *Ibid. P. 10.*

¹⁸ Научный руководитель Питера Туманова в ЛГУ говорил ему, что тот зря тратит время, изучая столыпинские реформы, потому что «Ленин написал уже все, что можно было сказать о реформах Столыпина» (Письмо

автору от 09.07.2010). Ведущий историк В. З. Дробижев на просьбу стажера 1976/77 учебного года Томаса Ремингтона, изучавшего усилия молодого советского режима в создании основ социалистической экономики в годы военного коммунизма, помочь получить доступ в архив, ответил, что архивы были в беспорядке и что они будут для него бесполезны, и дал совет изучать работы Ленина: «Вчитывайтесь в Ленина».

¹⁹ «Я — Плюралист...»: интервью с Лореном Грэхэмом / Беседу вел С. С. Илизаров // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 140.

²⁰ Archive of Indiana University. Robert F. Byrnes papers, Collection C388, Series: Inter-University Committee on Travel Grants, "American Participants, 1958–1970" file.

²¹ Скэнлан Дж. П. Американский философ в Московском государственном университете, 1964/65 г. // Вопросы философии. 2000. № 1. С. 133.

²² Межуниверситетский комитет по выдаче грантов на поездки — Inter-University Committee on Travel Grants — организация, которая была ответственной в США за выполнение Соглашения об обменах в области науки, образования и техники, подписанного 27 января 1958 г. Существовала до 1968 г.

²³ Archive of Indiana University. Robert F. Byrnes papers, Collection C388, Series: Inter-University Committee on Travel Grants, "American Participants, 1958–1970" file.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.

²⁸ Скэнлан Дж. П. Американский философ... С. 133–134.

²⁹ Там же. С. 134.

³⁰ Archive of Indiana University. Robert F. Byrnes papers, Collection C388, Series: Inter-University Committee on Travel Grants, "American Participants, 1958–1970" file.

³¹ Скэнлан Дж. П. Американский философ... С. 137.

³² Вовина-Лебедева В. Г., Лебедев С. К. Истфак конца семидесятых или «что-то о писателях...» // Страницы истории. СПб., 2008. С. 311.

³³ Archive of Indiana University. Robert F. Byrnes papers, Collection C388, Series: Inter-University Committee on Travel Grants, "American Participants, 1958–1970" file.

³⁴ Председатель Межуниверситетского комитета в 1960–1968 гг.

³⁵ Скэнлан Дж. П. Американский философ... С. 135.

³⁶ Там же.

³⁷ Стент Анжела: «...В США пока не найден верный ключ, в котором стоило бы анализировать ситуации в российском пограничье...»: беседа с Анжелой Стент; записал А. Сушенцев: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/seventeenth/012.htm> (дата обращения: 01.04.2013)

³⁸ Скэнлан Дж. П. Американский философ... С. 135.

³⁹ US students in Russia // Time. 1962. November 30.

⁴⁰ John P. Willerton. Письмо автору от 14.08.2010.

⁴¹ Archive of Indiana University. Robert F. Byrnes papers, Collection C388, Series: Inter-University Committee on Travel Grants, "American Participants, 1958–1970" file.

⁴² Скэнлан Дж. П. Американский философ... С. 139.

⁴³ Хэмбург Г. От социальных исследований — к литературному нарративу: Теренс Эммонс и изучение истории Российской империи в период с 1968 по 2004 годы // Отечественная история. 2005. № 5. С. 166.

⁴⁴ Скэнлан Дж. П. Американский философ... С. 140.

⁴⁵ *Graham L. R. Moscow stories. Bloomington, 2006. P. 25.*

⁴⁶ «Я — Плюралист...»: интервью с Лореном Грэхэмом / Беседу вел С. С. Илизаров // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 140.

⁴⁷ *Хеймсон Л. О времени и о себе: Беседа с Леопольдом Хеймсоном // Беседу вела М. Р. Зезина // Отечественная история. 2005. № 6. С. 186.*

⁴⁸ *Fitzpatrick Sh. A student in Moscow, 1966 // The Wilson Quarterly. Vol. 6. 1982. N 3 (Summer). P. 137–138.*

⁴⁹ Janet Kennedy. Письмо автору от 06 июля 2010 г.

Krymskaya A. S. Soviet way of life as seen by American exchange scholars in the 50–60s of the XX century (from reminiscences and interviews)

ABSTRACT: Using published accounts as well as interviews and recollections of American scholars who were at Soviet universities collected by the author the paper analyses Soviet-American scholarly and educational exchanges and the exchange of knowledge between Soviet and American scholars. The main question to be discussed is how Americans perceived Soviet way of life and the system of Soviet academic institutions and higher schools.

KEYWORDS: Soviet-American relations, scholarly and educational exchanges, American stazhers, American exchange scholars, Soviet way of life, Inter-University Committee on Travel Grants, IUCTG, International Research and Exchange Board, IREX.

AUTHOR: Ph. D. in pedagogics, Saint-Petersburg State Culture and Arts University (Saint-Petersburg); cnbl98@hotmail.com

REFERENCES:

¹ *Starr S. Fr. Leningrad, 1966–1967: Irrelevant insights in an era of relevance // Adventures in Russian historical research: reminiscences of American scholars from the Cold War to the present / Ed. by Samuel H. Baron and Cathy A. Frierson. Armonk, 2003.*

² Archive of Indiana University.

³ *Hamburg G. M. Vspominaia Nataliu Pirumovu: o tom, kak pisalas istoriia v stalinskuiu i poststalinskuiu epokhu // Priamukhinskie chteniia 2007 goda. Tver, 2008.*

⁴ *Riasonovsky N. V. My historical research in the Soviet Union: Half-empty or half-full? // Adventures in Russian historical research: reminiscences of American scholars from the Cold War to the present / Ed. by Samuel H. Baron and Cathy A. Frierson. Armonk, 2003.*

⁵ *Ganelin R. Sh. Sovetskie istoriki: o chem oni govorili mezhdru soboi. Stranitsy vospominanii o 1940–1970-h godah. 2 izd., ispr. i dop. St.Petersburg: Nestor-Istoriya 2006.*

⁶ «Я — Плюралист...»: интервью с Лореном Грахамом / Беседу вел С. С. Илизаров // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. N 1.

⁷ *Scanlan J. P. Amerikanskii filosof v Moskovskom gosudarstvennom universitete, 1964/65 g. // Voprosy filosofii. 2000. N 1.*

⁸ *Vovina-Lebedeva V. G., Lebedev S. K. Istfak kontca semidesiatykh ili «chto-to o pisateliakh...» // Stranitsy istorii. St.Petersburg, 2008.*

⁹ <http://www.intertrends.ru/seventeenth/012.htm>

¹⁰ US students in Russia // Time. 1962. November 30.

¹¹ *Hamburg G. Ot sotcialnykh issledovanii — k literaturnomu narrativu: Terens Emmons i izuchenie istorii Rossiiskoi imperii v period s 1968 po 2004 gody // Otechestvennaia istoriia. 2005. N 5.*

¹² *Graham L. R. Moscow stories. Bloomington, 2006.*

¹³ *Haimson L. O vremeni i o sebe: Beseda s Leopoldom Haimsonom // Besedu vela M. R. Zezina // Otechestvennaia istoriia. 2005. N 6.*

¹⁴ *Fitzpatrick Sh. A student in Moscow, 1966 // The Wilson Quarterly. Vol. 6. 1982. N 3 (Summer).*